

После проповеди патриарха, за здоровье царя Милославский аплодирует как в театре: «Браво! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова — аминь!» На замечание дьяка, что они воров «за рёбра вешают» Милославский спешит ответить: «Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко». Устав от государственных дел, он объявляет «перерыв на обед».

Что касается оправдома, то на протяжении всей комедии автор, говоря о его сходстве с царем Иоанном Грозным, все время подчеркивает и их сходство. Бунша — карикатура на Ивана IV. Если грозный царь в квартире «вверенного» Бунше дома наводит порядок и карает виноватых, то Бунша в роли царя наглет, приобретает зловещие черты. Его канцелярско-бюрократический стиль звучит наиболее нелепо в условиях эпохи XVI века.

Милославскому он жалуется: «Я *изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили . . .* Как я покажусь на глаза нашему общему собранию?» Узнав, что его желает видеть патриарх, Бунша сейчас же пугается: «В присутствии *служителя культа* я не могу находиться в комнате, я погиб».

Подвыпивший Милославский предлагает новоявленному царю построить театр, на что оправдом сейчас же откликается: «Я уже *наметил кое-какие мероприятия* и решил, что надо будет начать с *учреждения жактов*».

Приход царицы и рюмка кардамонной преобразуют Буншу; окончательно забывшись, захмелевший оправдом стол называет «столиком», слугу «человеком», требует отдельный кабинет и показывает себя *завсегдатаем ресторанов, причем дореволюционных*: «Прошу вас к нашему столику . . . Человек! Почки один раз царице! . . . (Дьяку) Скажите пожалуйста, что у вас, нет отдельного кабинета?» Возвращенный домой, он при виде милиции теряет весь апломб: «*Каюсь* был царем, но *под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева*» и демагогически заявляет: «С восторгом *предаюсь в руки родной милиции*, надеюсь на нее и *уповаю*». Так заканчивается фантастическое путешествие оправдома, обязанность которого следить, чтобы в дом не проникли вору, и вора, которому он обязан жизнью. Это полярное сочетание двух персонажей придает всей сцене не только комический, но и сатирический характер. С иронией показана милиция, наивная и нерасторопная.

В момент, когда Шпак объявляет по телефону о краже, по радио начинается музыка, которая (в глазах милиции) ставит под сомнение заявление пострадавшего: «Товарищ начальник . . . это радио играет! Пальто и костюмы! . . . Что же вы сердитесь? Слушаете? Ну я, сам сейчас добегу до вас, сам!» Дав Тимофееву честное слово, молчать об опыте, Шпак тотчас нарушает его и оповещает милицию. В коротком телефонном разговоре показана не только нечестность Шпака, но и некомпетентность милиции. Из реплик Шпака можно понять, что напоминание о краже, которую нужно расследовать, раздражает дежурного, а так как опыт Тимофеева заканчивается к прибытию милиции (как всегда запоздавшей) то пострадавший сосед изобретателя полностью скомпрометирован в глазах блюстителей порядка:

Шпак: Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак . . . Нет, *не сердитесь*, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище . . . Инженер Тимофеев Иоанна Гроз-